

Василий Донской

На границе света и тени -2

Василий Донской

На границе света и тени – 2

«Автор»

2023

Донской В.

На границе света и тени – 2 / В. Донской — «Автор», 2023

Серьёзная служба в КГБ агентом нелегалом развеяла романтические представления старшего лейтенанта Павла Чернышёва. Но он и представить себе не мог, что в звании капитана ему предстоит стать двойным агентом.

© Донской В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

На границе света и тени 2	5
Глава 1. Дилетант	6
Глава 2. Наставник	10
Глава 3. Малая Родина	14
Глава 4. Ноздря в ноздю	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Василий Донской

На границе света и тени – 2

На границе света и тени 2

Детектив

Глава 1. Дилетант

Лэнгли. Штаб-квартира ЦРУ. Кабинет начальника отдела специальных операций. Начало 90-х.

– А вы говорите, русские теряют сноровку? – обратился генерал Гарри Эллингтон к сидевшему напротив и курившему сигару полковнику Стиву Дэвису – заместителю начальника агентства национальной безопасности ЦРУ. – Нет, Стив, несмотря на развал Союза, КГБ хоть и потерпел сокрушительный удар, но это не нокаут, уверяю вас. Достаточно взглянуть вглубь времен, чтобы понять, на что они способны: революция раз – и вот вам ЧК, потом НКВД. И это на сломе эпох. А то время было «похлеще», чем сейчас. Только представить себе их разруху, голод и нищету. Все разведки мира работали против них, и что? Они возродились и победили в своей, как они называют, Великой Отечественной войне. Потом украли у нас проект атомной бомбы – знаменитый «Манхэттенский проект», запустили спутник и первого человека в космос.

– Да нет, я не думаю, что они на лопатках, и недооценивать их не собираюсь. Игра, я полагаю, будет долгой, но пока мы их сделали, – заключил подполковник Дэвис.

– И правильно делаете. Вот вам пример на Кубе. Сработано чисто и никаких следов. Или у вас есть сомнения в диверсии русских в Дайкири?

– Ну помилуйте, русские на Кубе утопили агента спецслужбы Украины? Похоже на утопию, простите за тавтологию. Им разве до этого было при развале Союза?

– Вы немного забегаете вперед, Стив. Развал Союза, а точнее подписание о разделении в Беловежской Пуще, был позднее. А до того мы активизировали приход к власти угодных нам президентов и националистические силы, а также организацию службу безопасности Украины на смену КГБ. Так вот, через ликвидированного их агента, подчеркиваю – именно ликвидированного – я по-другому думать не могу, через него мы снабжали Украинское подполье необходимой рекомендательной и исполнительной документацией по подготовке переворота на самой Украине. А именно: по увеличению числа иноагентов, активированию националистического движения в западных частях Украины, устранению руководителей регионов, сочувствующих советам, выдавливанию или ликвидации действующих и бывших работников КГБ, передавая им списки с именами, местами проживания и занимаемыми должностями. Руководства по организации военизированных формирований, центров обучения и лагерей военной подготовки националистов, молодежи и т. п. Особое внимание мы уделили пропаганде патриотического воспитания молодежи и студентов на примере их борцов за независимость, таких как: Бандера, Шухевич, Коновалец и других. Мы давали конкретные планы и рекомендации на примерах переворотов в других странах. А также списки и наших агентов, на которых они могли опереться в начале переворота. Кроме того, источники поступления денег и переброски оружия. Они с благодарностью принимали нашу помощь. Так вот, одним из каналов, по которым мы передавали документацию, и был канал через Кубу, используя руководителя группы советских туристов капитана КГБ Ковтонюка. Дважды срабатывал этот канал без сбоев. Информация передавалась зашифрованной в туристических рекламных журналах и даже сверхсложными методами расшифровать её было невозможно, так как текст наносился между строк гамма-лучом. Размер его всего несколько нанометров. И вот, когда всё было «на мази», как говорят русские, исчезает главное связующее звено – целый капитан КГБ. Вы верите, что его съели акулы?

– Ну в Карибском море акул много. А в Дайкири тем более. Странно, как они до этого не съели ни одного русского. Местечко там диковатое во всех отношениях, сам проверял. Спецслужбы Кубы недаром его выбрали для отдыха, построив там пансионат вдали от посторонних

глаз. А русских туристов туда завозили, чтобы те вкусили экзотики, да и для туристического агентства дешевле обходится.

– Так, полковник, давайте отбросим эмоции и будем рассуждать здраво, опираясь на факты. Начнем танцевать от печки, опять же, как говорят в Союзе.

– Извините, полковник, так всегда говорили в России.

– Да, там всегда так говорили, ещё при царе-батюшке. Итак, давайте отделим мух от котлет...

– Опять, как говорят в России, – перебил его Девис. Мы хорошо входим в роль, Гарри.

– Ну а как же?! Как можно победить противника, не зная, чем он дышит? Ну вернемся к нашим баранам. Итак, первая жалоба, связанная с этим делом, поступила к нам двумя годами ранее гибели Ковтонука. Кстати, мы ему дали псевдоним «Жифа». Переводится с испанского как руководитель. Тогда украинские спецслужбы отрицали получение руководств и инструкций, находившихся в отдельном журнале, а самое главное – списка наших законсервированных агентов на их территории. Но мы-то точно передали его Жифе. Только доказать это мы не смогли. Не могли же мы передавать ещё и преysкурant направляемой им документации. Заподозрив, что он двойной агент, мы установили за ним негласное наблюдение, но никаких подозрительных связей за ним не обнаружили. Только факт остается фактом: произошла утечка.

– Стоп, Гарри. Как же можно утверждать, что у него не было контактов? А туристы его группы?

– Ну, это маловероятно, – произнес полковник. Это совершенно случайные люди. Мы их проверяли, но никого не обнаружили из числа агентов КГБ.

– А потерять журнал он мог? Кто-то попросил посмотреть и забыл отдать?

– Нет, это маловероятно. Журнал на испанском языке без иллюстраций небольшого формата, но большой по объему, вряд ли мог кого-то заинтересовать.

– Очень интересно. Я знаю наших «спецов». Они все профессионалы, и чтобы забыть вложить для передачи какой-либо элемент – это невозможно, – проговорил полковник.

– Тогда я не знаю, выкрали его, что ли? Теоретически ведь это возможно?

– А вот эту версию мы не рассматривали, Гарри. И вы правы, начнем танцевать от печки. Кто мог находиться с ним рядом отдельно от группы? Я ещё раз опрошу наших агентов, которые выходили с ним на связь на Кубе в это время. Взглянуть на это дело надо именно под этим углом зрения.

– Обязательно и срочно, Девис. Нам нужно знать, насколько агентура КГБ внедрилась в наши тайны. Вы собираетесь идти? Нет, давайте их сюда обоих разом. Перекрестным допросом мы быстрее всё выясним.

– Хорошо, сэр, если только они не на задании. Я воспользуюсь вашей оперативной связью?

– Валяйте.

– Агента «Чижа» и агента «Гюрзу» найти и доставить в двести пятый кабинет ЦРУ, – произнёс он в трубку.

– У вас не отдел, а зверинец какой-то, – шутливо произнес генерал.

Через час оба сотрудника вошли в кабинет начальника отдела специальных операций.

– Вот что, парни, вам придется напрячь память и вспомнить кое-что в мельчайших подробностях. Четыре года назад помните командировку на Кубу? Вы были там для передачи нашей печатной корреспонденции Жифу.

– Да, это было первый раз, – произнес агент Чиж, – потом я ещё один раз с ним встречался там же.

– И я тоже, – подтвердил второй агент.

– Вы ничего подозрительного не заметили во время этих встреч? Например, наблюдения со стороны – не за вами, может быть, а за русским, которому вы передавали материалы? Кстати, как и в чём осуществлялась передача?

– Всё было по плану, – проговорил Чиж. Передача была в банке, где они меняли деньги. Мы обменялись пакетами, не вступая в прямой контакт. Затем, стоя в очереди, я осмотрелся, но ничего подозрительного в операционном зале банка не было.

– А вы, Гюрза? – спросил полковник второго агента.

– Я также оставил свой пакет и забрал пакет Жифа, когда в ресторане в Дайкири никого не было. Жиф сидел один, допивая свой кофе. Мы обменялись пакетами, и я сразу же уехал.

– Так, так, так, – задумчиво проговорил генерал. Никого и ничего! Так не бывает, парни. Произошла утечка, именно тогда – в первый раз. Ни мне вам объяснять, что это такое, когда ценная информация попадает противнику. А теперь включаем свой мыслительный фотоаппарат и начинаем прокручивать плёнку шаг за шагом, выискивая постороннего рядом с Жифом.

– Я точно помню, – ответил Гюрза, – что в обеденном зале ресторана не было никого, кроме объекта. Перед входом были двое, но в ресторане – никого.

– Кто эти двое? – вмешался в разговор полковник. – Мужчины, женщины? Вы, наверное, не поняли поставленной задачи – вспоминать и рассказывать все в подробностях.

– Это были двое парней, они последними выходили из ресторана, когда я туда входил.

– Хорошо, а что нам скажете вы, Чиж?

– Припоминаю, – отозвался второй агент, – да точно, там была гид, которая оформляла бумаги по обмену денег и... – он на минуту задумался. – Да, точно, перед входом в банк стоял один турист из русских, а второй был в банке... да, да, – он сидел за соседним столом, тоже молодой парень с фотоаппаратом.

– Так, это уже интересней, Чиж. Значит, оба эти русские вас видели, так ведь?

– Не думаю, чтобы первый обратил на меня внимание. Да если бы и обратил, то они ушли раньше, я-то остался в банке.

– Ну-ну, Чиж, не тяните кота за хвост, – возбужденно заговорил полковник, интуитивно поняв, что они на правильном пути.

– Они это, Жифа, гид и тот молодой парень, что сидел в зале, вместе ушли. А когда я выходил, то и того, что стоял перед банком, тоже не было. Я предположил, что эти двое были вроде охраны при руководителе и гиде. Сумма наличными при них была немаленькая.

– Уже лучше, а теперь опишите обоих, – также возбужденно потребовал полковник Дэвис.

– Того, что стоял перед банком, я не очень хорошо рассмотрел. Ростом около шести футов, среднего телосложения, русоволосый, в общем, русский. А вот лица рассмотреть не удалось из-за темных очков, он был без усов и бороды. Тот, который был в зале, такого же роста, спортивного телосложения, белокожий, волосы тоже русые, нос прямой, губы нормальные, лицо чуть вытянутое, брови...

– Э, стоп! Воскликнул генерал, – срочно в лабораторию, сначала Чиж, а потом Гюрза, чтобы не мешали друг другу, и с готовыми словесными портретами этих молодых парней сюда.

Через час в кабинет вошел Гюрза, держа в руках портреты, выполненные с их слов.

– Вы посмотрите, Стив, вам не кажется поразительным это сходство? – обращаясь к Дэвису, спросил генерал, указывая на четыре лежащие перед ним портрета.

– Да, Гарри, сомнений быть не может. И в том и другом случае одни и те же парни. Даже как-то странно.

– А что странного, не понимаю? – спросил генерал.

– Странно то, что в одной группе из тридцати человек может быть три агента КГБ. Не многовато ли? Или русские совсем оплошали. Ну один, понятно, – предатель, но, судя по воз-

расту, намного опытней этих щеглов, и, если бы они были чекистами, то он раскусил бы их на раз.

– Ладно, Стив, над этим мы ещё подумаем. Сейчас ясно одно, что эти двое видели наших агентов.

– И сами попали в поле зрения. Как хотите, генерал, но профессионалы так не работают.

– Да, это бесспорно. Но вот что интересно: чем наши агенты могли привлечь их внимание? А вы, парни, что думаете? – обратился он к Чижу и Гюрзе. – Какие мысли у вас-то самих?

– Трудно сказать, сэр, всё как всегда. Пароли мы не называли, так как паролем был пакет с изображением Боинга над Кубой, такой же, как и у Жифа, чтобы было понятно без слов. Этими пакетами мы обменивались.

– Так, кажется, я начинаю понимать. А вы, Стив?

– Да, Гарри, вы правы. Один раз увидеть у связника и у руководителя группы одни и те же пакеты – это куда ни шло, но увидеть то же самое во второй раз – любопытство возникнет не только у профессионала.

– Вот именно. Самые неуловимые нелегалы попадались на мелочах. А теперь давайте отделять зерна от плевел. Первое: из этих двоих русских один был явно не при делах. Он, видимо, всего лишь приятель другого. И это, скорее всего, тот, которого не было в банке. Второе: ни один, ни другой явно не профессионалы. Профи так не работают. Третье: возможно, тот, который был в банке, заметил обмен и, снова увидев те же самые пакеты у незнакомца и, опять же, у Жифа в Дайкири, очень этим заинтересовался, и у него вырос длинный нос. Стив, поправьте меня, если с чем-то не согласны.

– Нет, сэр, похоже, всё так и было. Остается только узнать, кто он? Является ли агентом с Лубянки или просто воришка? Может, повертел журнал в руках да и выбросил.

– Хорошо, если б это было так, полковник. На агента КГБ он никак не тянет. Просто дилетант какой-то, а таких там не держат – себе дороже. Спасибо, господа! Чиж и Гюрза, вы свободны. А вам, Стив, я вот что скажу, только без обид. Тот, кто готовил нашу операцию, тоже дилетант. Вы поняли меня?

– Да, сэр, вы как всегда правы.

– Полковник, а где ещё журналы, которые мы передали Жифу в день его гибели? Он-то сам погиб, не доставив документацию в Союз.

– Скорее всего, их забрал новый руководитель группы, который прибыл вместо него из посольства СССР на Кубе.

– Молите Бога, Стив, чтобы русские не нашли возможности расшифровать тексты.

Глава 2. Наставник

– Присаживайся, Павел, в это кресло. Устраивайся поудобней. Думаю, настало время нам поговорить серьезно.

В кабинете теперь уже повышенного в звании после перевода из Украины генерал-лейтенанта Бахметьева на втором этаже его уютной дачи было прохладно, несмотря на середину июня. После вчерашней дружеской пирушки гости позавтракали и разъехались. Сегодня воскресенье. Завтра на работу. На даче осталась только Таня, которая помогала Валентине Ивановне прибраться после вчерашнего застолья. А генерал пригласил Павла к себе.

– Да, я вас слушаю, Степан Васильевич, – отозвался Павел.

– Только давай начнем не с этого, – продолжил генерал, разливая по рюмкам коньяк. – Бери, Паша, пей, сейчас это можно и даже необходимо, чтобы преодолеть дистанцию между нами. Я не хочу, чтобы ты сейчас был настроен на меня как на генерала и большого начальника. Если воспримешь как старшего товарища и наставника, это будет правильно, тогда мы будем на одной волне и поймем друг друга. Ну, давай, не стесняйся, бери конфеты, шоколад, лимон. Расслабься.

– Хорошо, Степан Васильевич, только можно ещё по одной, а то я настроя пока не чувствую.

– Молодец, Павел, ты наш человек, без каких-то там темных уголков в душе. Давай ещё по одной. А теперь к делу, я темнить не люблю и сразу хочу извиниться за прямоту. Так вот, назначение твоё пока задерживается по нескольким причинам. Здесь и политическая ситуация в стране, и там, где тебе придется работать, и организация твоего будущего «рабочего места» там же, и уровень твоей подготовки, и, извини, твои способности. Помнишь Штирлица из «Семнадцати мгновений весны»: «Хороший экспромт – это хорошо подготовленный экспромт». Те, кто готовят твою работу, отлично понимают, что спешить при этом ни в коем случае нельзя, как нельзя учесть и всех нюансов и всякого рода неожиданностей и случайностей. Их задача – постараться продумать все возможные варианты и свести случайности к минимуму.

– Я знаю, товарищ генерал, нас этому учили.

– И я, Паша, знаю, что вас этому учили. Но одно дело, когда ты изучаешь теорию, и это тебе ничем не грозит, и совсем другое, когда цена ошибки может быть твоя жизнь и не только твоя. А уж про раскрытие операции, над которой работало много людей, и получение информации врагом я и не говорю. Уверен, что и это ты хорошо себе представляешь. Отлично, тогда пора выпить еще по рюмочке.

– Степан Васильевич, может, повременим, а то я опасаюсь сильного расслабления, – возразил Павел. Он смотрел на генерала и понимал, что тот ещё не приступал к сути разговора.

– Можем и повременить, но мне кажется, по третьей будет самое то. Разговор только начинается. Вот и отлично, – твоё здоровье!

– И ваше, Степан Васильевич!

– Ну добро. А теперь мне скажи, Павел, как ты себе представляешь свою жизнь в ближайшей перспективе, скажем, года на два или три?

– Товарищ генерал, вы же сами понимаете, что в основном это будет зависеть от задания, которое я получу, и где окажусь.

– Ответ правильный, но неполный. А как же Таня?

– Я всё время об этом думаю, но ничего путного придумать не могу, потому что знаю: руководство не одобрит мою женитьбу. А потом тащить Таню в неизвестность и на риск...

– Молодец, парень! – воскликнул генерал. – Тогда я спрошу тебя вот о чём: ты её любишь?

– Я очень люблю Таню, и она меня, но как подумаю, что нам придется расстаться, просто сердце разрывается.

– Э, чекист, а вас не учили сдерживать эмоции? Потому и существует десятилетиями проверенная схема в нашей системе одобрять или не одобрять браки. А то расклеится такой разведчик на задании... пиши пропало. Тараса Бульбу помнишь и сына его Андрея?

– Не говорите так, Степан Васильевич, вы меня этим сильно обижаете.

– Нет, Паша, не обижаю, а открываю глаза на суровую действительность. Ты, когда собирався стать чекистом, представлял себя таким суперменом. Героическая романтика увиденного в кино и из прочитанных книг увлекает некоторые молодые головы. А потом нередко разочарование, а, сказать честно, что больше не хочу и не буду, – совесть не позволяет. Я это к тому, чтобы понять, есть ли у тебя сомнения. Лучше не делать первого шага, чтобы не сожалеть о последующих. Об этом, конечно, раньше надо было думать, но лучше поздно, чем никогда.

– Товарищ генерал, Степан Васильевич, я сам выбрал этот путь сознательно, когда был уже не мальчик. И на этот счет у меня нет никаких сомнений. Я уже видел и предательство и предателя, вы же это прекрасно знаете. Это вызвало у меня такое омерзительное чувство, которое уже не изгладится никогда.

– Да, Паша, другого ответа я от тебя не ожидал. Я всю жизнь представлял себе свою службу, а точнее – долг защищать Родину, как родную мать, маму, которая меня родила и воспитала, как беззащитную женщину, которую от злодеев защитить, кроме меня, больше некому. И это чувство не позволило мне оступиться, как бы мне трудно в жизни не приходилось.

Павел слушал молча. Да, за маму, родную маму он был готов драться до конца с любыми бандитами, только сейчас перед его глазами была Таня.

– Ладно, – примирительно проговорил Бахметьев. – Ты уже знаешь, что Таня моя племянница. Для меня она как родная дочь. Скажи прямо, Павел, ты бы женился на Тане, если бы получил добро от руководства?

– Да, товарищ генерал, не откладывая.

– Ну вот что я тебе скажу, молодой коллега, ты как-то не учишься, что я и есть твоё руководство. Не в последней инстанции, конечно, я не директор нашей конторы, но моё слово кое-что значит. Считай, что добро получено, можешь обрадовать будущую супругу. Но сделать это надо как у нас это принято – без лишней огласки. Только узкий круг: все те, кто был вчера у нас на вечеринке, и ваши свидетели. Детали по оформлению документов обсудим перед бракосочетанием и когда будем оформлять паспорта.

– Не знаю, как вас благодарить, товарищ генерал. Вы мне сделали самый большой подарок в жизни.

– Ну, полноте, Павел, мы почти родственники, а ты все товарищ генерал да товарищ генерал.

Регистрацию откладывать не стали. В ЗАГС-е удостоверение Павла сработало безотказно, и через три дня было назначено бракосочетание. Свидетелями были Анатолий и Вика, а само торжество запланировали на ближайшую субботу. Был узкий круг, то есть все те же, что и неделю назад на пирушке друзей генерала, да ещё присоединившиеся к ним свидетели жениха и невесты. В высоком порыве радости и счастья за молодых и Толя, и Вика обещали перед всеми, что тоже не будут тянуть и оформят свои отношения.

Опять, как и неделю назад, на следующий день после отъезда гостей генерал пригласил к себе Павла, но теперь уже вместе с Таней.

– Ещё раз поздравляю вас, молодожены. Рад за вас, живите счастливо! А это от всех нас: твоих мамы и папы, Таня, от меня и Валентины Ивановны, – и он протянул ордер на двухкомнатную кооперативную квартиру на Ленинском проспекте. Мы не стали вручать этот подарок

вчера на торжественном вечере, чтобы не вызывать лишнего интереса в связи с работой Павла. Это квартира нашего погибшего сына Сергея. Таня знает. Мы её всё это время держали до Таниной свадьбы. Ордер давно переоформлен на её имя, и вы можете заселяться в неё хоть сегодня. Но! Есть два условия. Первое: вы должны родить нам внуков. Второе: в паспорте Тани должна быть изменена фамилия на Чернышеву, но отметки о том, что вы женаты, в ваших паспортах быть не должно. Третье не условие, а настоятельная просьба: пока у Павла есть время, съездить к его родителям. Иначе это будет большой грех – не познакомиться Тане с ними как жене их сына.

– Товарищ генерал, я и сам хотел просить вас об этом. Я не видел их уже два года, и неизвестно, сколько ещё не увижу.

– Поезжайте обязательно. Время есть, по крайней мере, недели две точно. Так что ехать можете спокойно. Я бы посоветовал лететь. Они где живут, в Воронежской области?

– Да, Степан Васильевич, в городе Бобров.

– В каком городе? – удивилась Таня. – В городе для бобров или где живут бобры?

– В городе, в котором прошло моё детство и моя юность. А бобры там действительно живут в речных заводях в лесу. Приедем, увидишь.

А политическая обстановка теперь уже в России и в сопредельных государствах бывшего СССР действительно была, мягко сказать, беспокойной. Смена власти прошла чередой от первого президента Советского Союза, путчистов и первого президента Российской Федерации. Смута, разброд и шатание в стране не прекращались. В страну хлынули советники разных мастей с Запада, особенно из Соединенных Штатов Америки, раскачивая политическую лодку всё сильнее. Деньги обесценились, народ нищал, в магазинах – хоть шаром покати, но при всём при этом курс развития был провозглашен на построение демократического государства. На разных уровнях руководства страны и в различных отраслях промышленности появились кураторы, менеджеры по управлению и бизнесмены нувориши, которые распространяли акции всего, что только можно было продать: от крупных промышленных производств до самых мелких колхозов, а потом скупали их за бесценок. Страну разваливали на глазах.

Несладко пришлось и спецслужбам. Всюду стали расти, как грибы, ОПГ – организованные преступные группировки, «крышуемые» милицией, которая становилась их неотъемлемой частью и нередко их же и возглавляла. Только контора держалась изо всех сил, несмотря на большие потери работников как за рубежом, так и внутри страны. А причиной тому была принятая руководством резолюция об обмене и предоставлении информации разведкам других стран, которые бесцеремонно потрошили архивы с грифом «Совершенно секретно». Генерал Бахметьев ещё раньше подавал рапорт об увольнении, но теперь твердо решил: «Не дожждётесь. Буду зубами цепляться, но не дам погубить контору, чего бы мне это ни стоило». Часть архива с Лубянки, касающегося агентов-нелегалов, он перевез на дачу, рассчитывая передать их ГРУ и спрятать в Свердловской области в подземельях Уральских гор. Другую часть пришлось уничтожить, так как «цэрэушники» слишком близко к ним приблизились. Он успокаивал себя тем, что многие самые преданные руководители управлений КГБ оставались до конца верными присяге и продолжали нести службу. Они верили, что этот хаос когда-то должен закончиться, и они, только они смогут навести порядок, и тогда вновь установят контакты с законсервированными и спящими агентами. Одним словом, они исполняли одну из заповедей чекиста: «Выдержка – обратная сторона стремительности». Это были настоящие Дзержинцы старой закалки. И даже в этих, казалось бы, немыслимых условиях, они продолжали работать не только на сегодняшний, но и на завтрашний день, анализируя предполагаемые события и разрабатывая операции на перспективу. В одной из таких операций и должен был участвовать Павел Чернышёв под псевдонимом «Амиго». Генерал Бахметьев курировал всю операцию «Клык» от её планирования до реализации, а полковник Сергеев – исполнителя, то есть

агента Амиго. До окончания разработки операции оставалось около трех недель, а затем еще столько же необходимо было подготовить самого агента до внедрения его на «землю», то есть в реальные условия. «Ну а пока у них медовый месяц, пусть наслаются вволю. По всему видать, нелегкая у них будет судьба, – подумалось генералу, – но кому-то на роду написано прожить и такую жизнь. Мы на переднем крае борьбы, и сколько наших товарищей живет такой жизнью. А у меня как было!? Другой посмотрит и вряд ли позавидует. Особенно когда пришлось отсидеть в американской тюрьме почти пять лет по статье «О шпионаже в пользу другого государства» по приговору к тюремному заключению на двадцать лет. А это цена предательства полковника Малахова, завербованного ЦРУ». Операция была завершена успешно, и о подозрениях, тогда ещё майор Бахметьев, сообщил в центр и получил подтверждение, но уйти от преследования ему не удалось. На пароме Хельсинки – Ленинград он был задержан и переправлен в Штаты. А каково находиться в американской тюрьме среди всякой цветной дурно пахнущей мрази, понимая, что, если тебе и придется выйти на свободу, то ты будешь уже старик? Долго велись переговоры МИДа Союза с руководством США, пока для них не нашлось подходящей кандидатуры для обмена. Им оказался сотрудник ЦРУ майор Бен Парсон, собиравший информацию о разработке новых двигателей межконтинентальных ракет, задержанный с поличным в Воронеже.

Глава 3. Малая Родина

Встреча Тани с родителями Павла перед калиткой небольшого дома с верандой была очень трогательной. Мама со слезами обнимала сноху, глядя её по голове и постоянно приговаривая: «Какое же это счастье!»! Она была малообразованной женщиной и не могла словами выразить свои чувства, но от неё исходила такая доброта и радость души, что Таня тоже не выдержала и заплакала. Обе эти женщины, молодая и пожилая, соприкоснулись душами и без слов понимали друг друга. Сразу же Таня стала называть её мамой, а Антонина Иосифовна Таню только Танечкой. А вот отца Павла Таня приняла настороженно. Простой, открытый в общении уже в годах мужчина несколько озадачивал своей прямоотой, пытаясь подшучивать надо всем, но это не всегда ему удавалось. Таня сразу поняла, что родители Павла – люди простые, и вести себя надо было так, чтобы не дать повода выказывать им своего высокомерия. Вошли во двор. Её, коренную москвичку, удивляло всё: и колодец посередине двора, и курятник с курами и утками, и в загоне поросенок, и огород, и яблони, и груши в небольшом саду, и ещё много чего, увиденного в небольшом хозяйстве родителей Павла. Для молодых истопили баню и накрыли стол на летней кухне. Кухня находилась в двадцати метрах от дома между садом и огородом. Таня впервые увидела цветущую картошку, завязи огурцов и краснеющие помидоры, такие вкусные и ароматные на изломе, будто покрытые мелкой росой. За столом выяснилось, что у Паши есть ещё младший брат. Он со своей семьёй – женой и двумя уже взрослыми детьми живут неподалёку в микрорайоне.

– Тётъ Тонь, – послышался знакомый Павлу голос, – я вам рыбы привез. Иди – забирай, а то я оставлю, а коты поедят.

– Сейчас, Сеня, бегу, – ответила мама.

Это был Семён, друг детства Павла, хотя и старше его на три года. Они были помешаны на рыбалке и целыми днями пропадали то на речке, то на пруду. Павел вышел из-за стола и пошёл следом за матерью.

– О, Павлушка, привет, – заулыбался Семён. – Ты когда приехал?

– Да только что, часа три назад. Давай к нам, на кухню, посидим, выпьем.

– Не, сегодня не могу, мне ещё на плёс ехать сети снимать.

К ним незаметно подошла Таня.

– Так ты потихоньку браконьерничаешь, Сём? – шутливо спросил Павел. – Не всю ещё рыбу переловил?

– Не, Павлуш, ты же знаешь, я помногу не ловлю, ну центнер – два, – так, чтобы немного покушать и чуток на продажу.

Мама Павла стала совать Семёну деньги.

– Не, тётъ Тонь, это угощение, презент, вот по случаю приезда Павлика. А это кто, – спросил он, кивнув в сторону Татьяны?

– А это жена моя Таня, – представил её Павел.

– Молодец, Павлик, да она у тебя просто королева! – с восхищением проговорил Семён. На рыбалку поехать не хотите в пятницу на фрунзенский пруд – окуней половить?

– Да, можно, Сём. Тань, ты не против?

– А как будем ловить, сетями, что ли, как бурлаки на Волге? – спросила Таня. – Это ж не рыбалка, а промысел какой-то – ловить по сто или двести килограмм, – заключила она.

– А она у тебя молодец, за словом в карман не лезет, мне такие нравятся, – заметил друг.

– Главное, чтобы я мужу нравилась, – парировала Таня.

– Ловить будем на удочки, ну я ещё возьму штук пять донок. Снасти у меня есть, червей накопаем по дороге. В общем, в пятницу часа в четыре утра подходите к моему дому и поедем.

Таня была очень удивлена манерой общения Семёна, а ещё и тем, что он в свою речь вплетал матерные выражения, ничуть не стесняясь окружающих.

– Да, Таня, – пояснил ей Павел, – Семён – это уникум, но и другие ребята, с которыми нам придется встречаться, тоже простые и грешат крепкими выражениями. Ты сразу настройся и ничему не удивляйся

Потом приехал брат Гена со своим семейством. Это был молодой, стройный, спортивного телосложения мужчина. Позже выяснилось, что он окончил спортивный техникум и несколько лет проработал учителем физкультуры в школе села Берёзовка, за шесть километров от города, которые зимой он преодолевал на лыжах, а весной и осенью коротал это расстояние бегом. После службы на флоте и окончания юридической академии в Саратове он теперь работал инструктором в райкоме партии. Вечером Павел и Таня пошли проводить гостей. По дороге разговорились на разные темы и долго не могли разойтись, несмотря на то, что на город уже опустилась теплая июньская ночь. Перед калиткой их ожидала мама.

– Дети, Паша и Таня, давайте посидим, поговорим, вы же приехали ненадолго, – проговорила она.

– Да, мама, всего на десять дней. Очень жаль, но у Паши работа, – ответила Таня.

– Танечка, расскажи, как вы познакомились и поженились, – шепотом попросила мама, когда Павел пошёл к отцу. Тот тоже хотел узнать у Павла по секрету от женщин о его второй женитьбе.

– Познакомились мы с Пашей на Кубе совершенно случайно, – начала Таня и вкратце пересказала историю их знакомства. – С тех пор я полюбила Павла, но мы расстались, а года через два я как-то шла мимо храма в Москве, и мне повстречалась женщина – христианка, очень на вас похожая. Я хотела дать ей деньги и попросить, чтобы она помолилась о том, чтобы мы встретились и Паша стал моим мужем. Она от денег отказалась и спросила: почему я сама не молюсь об этом? Я сказала, что не умею. «А ты крещёная девица? – спросила она меня, – от чьего имени просить-то мне? » Я ответила: «Таня». Тогда она взяла двадцать копеек на свечи и пообещала помолиться о нас Николаю Угоднику.

– Танечка, а ты некрещёная? – спросила мама Павла.

– Нет, мама, у меня родители коммунисты, да и дядя тоже, а он генерал. А Паша крещёный? – в свою очередь поинтересовалась она.

– Да, Танечка, когда он был ещё маленький, мы крестили его тайком от отца. Я храню его нательный крестик и молюсь Богу, чтобы простил Пашу за то, что он его не носит. Я его упрошу, чтобы носил. Сейчас уже не те времена, и за это его никто не накажет. А за то, что Бог соединил вас, его надо благодарить. Давай пойдём в церковь на службу и поставим свечи Иисусу Христу, Божией матери и Николаю Угоднику. А лучше, Таня, давай окрестим тебя, пока у вас ещё есть время в Боброве. У нас хорошая церковь «Успения пресвятой Богородицы». Подумай, дорогая Танюша.

Таня была озадачена. Вот так сразу, но эта малограмотная женщина была права. Как бы обернулось всё, если бы та православная женщина не помолилась о них? Она очень об этом задумалась.

На следующий день Павел объявил, что идут на речку, и предложил Тане пойти пешком, чтобы показать город и маршрут, по которому в детстве и юности они ходили к реке. По пути Таня увидела базар, парк с танцплощадкой, школу, где учился Павел, и улицу Авдеева, по которой их дружная ватага «пацанов» шагала к первому мосту. А когда улица Авдеева закончилась, перед глазами Тани открылась живописнейшая панорама. За железнодорожным мостом, под который круто уходила дорога и далее вела к деревянному мосту, плавно огибая город, протекала река с названием Битюг. За рекой широкий заливной луг, километра на два, который упирался в лес. А дорога от первого моста шла ко второму и третьему, по обоим

сторонам которого рос густой лиственный лес. Спустившись под горку налево, они вышли к лодочной станции.

Взявши лодку на лодочной станции, они поплыли вверх против течения. Таня на окружавшую её красоту смотрела с нескрываемым восторгом и восхищением. Кувшинки и лилии распустили над водой свои желтые и белые бутоны посреди больших листьев-лопухов. Камыш стоял то с одной, то с другой стороны вдоль берега. Вдруг быстрая протока, по которой они плыли, вдоль прибрежной улицы резко свернула вправо, и они оказались на широком затоне, миновав который река оказалась с двух сторон окружена лесом.

– Смотри, Танюша, Павел показывал на заостренный и торчащий на берегу пенек, и рядом лежащее дерево. Ты спрашивала о бобрах, так вот это их рук, то есть зубов, дело.

Река в лесу делала множество излучин, на каждой из которых находился какой-нибудь пляж: «Пиратская», «Первое, второе и третье дворянское», «Золотой песочек», «Батчиково» и другие, которых было множество вдоль берегов. Названия эти сохранились ещё с царских времен уездного купеческого города Бобров. Останавливались и купались на всех, которые особенно нравились Тане. Вечером уставшие, но довольные они вернулись домой. Мама, как всегда, встречала их у калитки.

– Устали, конечно, – целый день на солнце? – проговорила она. – Паша, ты совсем заморил Таню. Кушать хотите? Есть квас холодный, отец сегодня привез с хлебозавода, окрошка.

Она как насадка стала опекать дорогих её сердцу детей, передавая им всю свою доброту.

– Спасибо, мама, я сейчас помою ноги, попью квасу, и спать, – ответила Таня.

– И я тоже, – вторил ей Павел.

– Паша, я хочу покреститься, – засыпая, уткнувшись в плечо Павла, прошептала молодая жена.

Крещение Тани состоялось в Бобровском храме Успения Пресвятой богородицы. Крестными стали брат Павла и его жена. После этого таинства Таня долго не могла прийти в себя, была тихая и задумчивая. Это событие её очень потрясло и оставило неизгладимое впечатление от мысли, что она пришла к Богу. С трепетом она прикасалась ладонью к серебряному нательному крестику у неё на груди. Она понимала – это вовсе не украшение.

В пятницу, как и договаривались с Семёном, рано утром до восхода солнца на его Запорожье отправились на рыбалку. Свернув с основной дороги, заехали на покатый берег, поросший низкой травой и клевером.

– Давайте водички наберем, – предложил Сеня, остановившись на пригорке.

Он не спеша направился вниз по направлению к пруду. Не дойдя до воды, он наклонился, прилёг и склонил голову ниже поверхности земли. Подойдя ближе, Таня и Павел увидели, как он пьёт воду из чистой лужицы в углублении берега. Попив водички, он зачерпнул пригоршней воды и умылся, крякнув при этом от удовольствия.

– Хороша водичка, – проговорил он, – попробуй воды из «капанки», – обратился он к Тане.

Таня сначала не поняла, но потом встала на колени и наклонилась над прозрачной лужицей, из которой тонкий ручеек бежал прямо к пруду.

– Паша, да он живой! – воскликнула она, показывая на выбивающиеся из-под земли маленькие струйки, которые, взрыхляя очень мелкие, не более макового зернышка кусочки глины, выбивались наружу. – А вода, какая она прозрачная, прямо хрустальная! – продолжала удивляться она.

– Ты попробуй её на вкус, – посоветовал Павел.

– А как? – спросила она.

– Да прямо так, наклонись и пей прямо из лужицы, Таня, водичка постоянно обновляется.

– Не бойся, козочкой не станешь, – пошутил Семён.

Таня легла на траву и, опустив голову к самому роднику, стала пить мелкими глотками.

– А какая она холодная! – снова удивилась она. – Теперь я поняла, что означает – бьёт ключом, ведь это и есть ключ, бьется он как сердечко.

– Да, Танюша, именно так. Такие родники питают этот пруд. Да и не только пруд, но и реки и все водоемы. Они живые и дарят жизнь.

Таня встала и смотрела на родник как заворожённая, не говоря ни слова. Здесь, в русской провинции она постигала основы бытия, такие как крещение и родник.

Затем они набрали воды и отправились к «усынку» – заводи, отходящей от основного зеркала пруда, – забрасывать удочки.

– Так, – сказал Семён, – вы тут ловите окуней, а может и сазан какой попадётся, а я пойду поставлю донки.

– Паша, это же надо червяка на крючок насадить, да? Но они такие скользкие и неприятные, и навозом пахнут, – умоляюще глядя на мужа, проговорила Таня.

– Ты хочешь, чтобы я насаживал червей, а ты ловила? Нет, на рыбалке так не бывает. Поговорку знаешь: «Без труда не выловишь рыбку из пруда». Мне помнится, что ты хотела стать хирургом. Ковыряться в ранах больных, наверное, тоже неприятно, но ты один раз преодолела брезгливость, и дело пошло, так ведь? Смотри, как надо насаживать червя. А вот так надо забрасывать снасть. Видишь поплавков, он стоит вертикально, а если вдруг ляжет или утонет, или поплывет быстро, то надо не сильно резко, но быстро вытаскивать леску.

Показав эти нехитрые приемы, Павел отошёл от Тани и забросил свою снасть. Он специально не стал дожидаться клёва на удочку Тани, чтобы не лишать её яркого впечатления от первой пойманной рыбки.

– Паша, Паша, смотри, я поймала, поймала рыбу! – вдруг закричала она.

Павел оглянулся на жену, она высоко держала удочку, а на крючке у неё извивался окунь размером больше ладони. Он положил свою удочку и побежал к Тане, но немного не успел: она трясла ладонью, уколотившись об острые плавники пойманной рыбы. Взяв из её рук удилище, он показал, как надо снимать окуня с крючка. Таня чуть не плакала, но не от боли, а от стыда, что не умеет проделать простых приемов. Павел обнял жену и поцеловал.

– Сильно поранилась? – спросил он её.

– Да нет, больше испугалась, что поранюсь, – с виноватой улыбкой проговорила она.

– Может, не будешь больше ловить? – спросил он.

– Нет, буду, – возразила Таня и стала насаживать червя на крючок.

– Перед тем как забросить, надо поплевать на него и сказать: «Ловись, рыбка, большая и маленькая», – с улыбкой проговорил Павел.

Таня поняла шутку и рассмеялась.

Такого азарта Павел от жены не ожидал. Клёв был хороший, и Таня, забыв обо всём на свете, вытаскивала одного окуня за другим.

– Ну что, рыбаки, много рыбы наловили? – раздался голос Семёна, идущего в больших болотных сапогах, подвернутых до колена, и с рюкзаком за спиной. В обеих руках он нёс по одному садку, полные рыбы. Всего рыбин было немного, штук восемь, но это были сазаны и карпы по килограмму и полтора. А в двух садках Павла и Тани было всего двадцать девять окуней от ста пятидесяти до трехсот грамм. Таня была счастлива, это была её первая и удачная рыбалка. Она подошла к садкам, что принёс Семён, и стала с интересом рассматривать крупную рыбу.

– На донку, на жмых, – пояснил он. – Ну что, поехали? Всё равно клёва уже до вечера не будет.

Собрали все снасти и рыбу, погрузили в «Запорожец» и вдруг, как бы вспомнив что-то, Таня бросилась к роднику. Она припала к нему губами и стала пить мелкими глоточками, как бы прощаясь с ним.

– Почему вы называете его «капанка»? – спросила она у мужчин.

– Очень просто, – ответил Сеня, – кто-то когда-то – пастухи, наверное, – заметили, что на ровном месте через траву просачивается вода. Они выкопали ямку и увидели родник. Копали и выкопали, вот и «капанка». Таких в округе штуки три. Пастухи, да и люди из города, приезжают к ним воды набрать.

Мама Павла всплеснула руками, увидев столько рыбы. Весь свой улов Семён подарил родителям Павла, взяв слово с молодых, что через три часа они будут у него в гостях.

У ворот их встретила Наталья, жена Семёна. Сам хозяин сидел, развалившись на крыльце за столом, на котором в огромной сковороде ещё «шкварчала» жареная рыба. Встав из-за стола, он повёл гостей показывать свои хоромы. Дом был огромным, из шести комнат, не считая ванной и двух туалетов. В доме был водопровод, канализация и отопление от газовой колонки, а за домом свинарник для трех свиней, курятник и большая будка для кавказской овчарки.

– Это всё рыба, Павлуш, – пояснил он. Сам он целыми днями и даже ночами пропадал на реках, прудах и озерах, а с домашним хозяйством справлялась жена.

– Дом видишь какой большой? Думал, дочь с зятем будут жить. Так они уехали в Германию, – пояснил он. Ну, давайте к столу.

За столом всё было просто и радушно. Семён убедил Таню выпить самогону, который делала Наталья, сравнив его с чистотой родника, который она видела. Павел не препятствовал, всё больше погружая Таню в жизнь простых людей, из среды которых вышел сам. Это была его малая Родина. А потом пошли разговоры. Для Тани достали из погреба домашнего яблочного вина, а после третьего тоста полилась песня «...Огней так много золотых на улицах Саратова» и другие народные, которые Таня слышала впервые.

Глава 4. Ноздря в ноздю

Москва. Лубянка. Первое главное управление КГБ. То же время.

– Прошу внимания, товарищи офицеры, – обратился к присутствующим начальник первого главного управления генерал-лейтенант Бахметьев. – Я собрал ваш отдел разведки за границей в связи с событиями, происходящими в нашей стране на текущий момент. От вас я хочу услышать честную оценку и предложения, каким представляется дальнейшая судьба комитета и лично каждого руководителя подразделений. Молчать больше нельзя. Ставки слишком высоки. Уверяю вас, что дальше этих стен озвученная здесь информация никуда не уйдет, так как, я надеюсь, все здесь понимают, что речь идёт не только о жизни здесь присутствующих, но и о наших товарищах, работающих за рубежом, и которые оказались в очень тяжёлом положении. На их месте мог оказаться каждый из вас. А чтобы не быть голословным, я сам начну. О том, какая обстановка у нас в стране, вы знаете не хуже меня. Страна разваливается и не сегодня-завтра перестанет существовать как Союз социалистических республик. Уже есть оперативная информация об этом, прошу не удивляться. Объявленная [первым](#) президентом СССР в восемьдесят пятом году перестройка активизировала все эти процессы. Напомню несколько вам известных судьбоносных фактов в порядке их свершения. Факт номер один. Объединение Германии [3 октября](#) 1990 года. В этот день ГДР перестала существовать. Фактически ФРГ, присоединившая к себе ГДР, осталась членом [ЕЭС](#) и [НАТО](#). Факт номер два. 28 июня 1991 года перестало существовать содружество стран – членов СЭВ. Вместе с этим завершилась и история социалистической экономической интеграции. Факт номер три. 1 июля 1991 г. в Праге был распущен Варшавский Договор коллективной безопасности социалистических стран. Уверен, каждый из вас задаёт себе вопрос: а что же будет дальше? Так, как обстоят дела сегодня, то вовсе не просматривается свет в конце тоннеля. Нет, дорогие друзья. Вспомните восемнадцатый год и гражданскую войну. Вот тогда была полная нищета, разруха и безнадёжность. Но кто, обращаясь к вам, подставил плечо и ценой неимоверного усилия воли, веры и жертв спас революцию? Конечно, народ и объединяющая его партия, но если бы не ЧК, её задавила бы контрреволюция. Мы тот фундамент, тот краеугольный камень, о который споткнулся мировой империализм. И теперь мы последний бастион. Обращаюсь к вам, руководители высшего и среднего звена разведки, приложить все усилия и сверх усилия, чтобы сберечь нашу службу. Не будет нас – не будет и России. Поэтому нам надо бороться за каждого нашего сотрудника и здесь и, тем более, за границей. Усилить контроль за каждым и при этом выявлять предателей и нещадно их карать. А теперь я вас слушаю.

Окончив, совещание с руководителями ПГУ – первого главного управления, он назначил совещание с отделом разведки по республикам Белоруссии и Украины.

[Лэнгли](#). Штаб-квартира ЦРУ, Разведывательный центр. То же время.

– Господа, – начал свою речь генерал-лейтенант Гарри Эллинтон, заместитель директора центрального разведывательного управления. – Вначале я хочу вас поздравить с победой в достижении наших целей. Главный противник в нашей борьбе – Советский Союз повержен. Нет, я не хочу сказать, что он побежден, – в ответ на овации продолжил он, – медведь ещё спит в берлоге, голодный и злой, но он уже не так страшен. А победа наша в холодной войне очевидна. В эту победу мы вложили много усилий, и теперь немного выдержки, и мы увидим, как рухнет этот колосс на глиняных ногах. Развал Советов неизбежен в ближайшее время. На данном этапе мы свою работу выполнили отлично на высоком профессиональном уровне. Задача, поставленная правительством Соединенных штатов, выполнена. Теперь нам остается только ждать финала, и они сами завершат дело. Следующим немаловажным фактом хочу кон-

статировать, что и с коммунизмом в Советском Союзе также покончено в то время, когда у них появился первый президент и они встали на путь демократического развития. Он же сыграл немаловажную роль в нашей общей игре. Что мы имеем сегодня там, за океаном? Нищую страну с поверженной экономикой, безвольное руководство, которое согласно на любые условия, чтобы выжить: получать от нас субсидии, распродавать за бесценок свои заводы и фабрики, а в будущем и свои территории, распустить свою армию и стать нашей колонией. А это, господа, не Клондайк и не экзотическая Индия, бывшая колония Великобритании, это нечто большее по ресурсам, чем даже Америка. Но есть одно небольшое «Но»! Господа, в руках, а точнее сказать, в лапах этого медведя остается атомная дубина, поэтому почивать на лаврах ещё рано. Надо дожать этого монстра, и нам, как всегда, отводится особая роль отправить его в нокаут. Я бы хотел, чтобы руководители директоров и отделов поработали на перспективу. Основная агентура остается работать в Российской Федерации, особенно агенты влияния, а остальные должны быть распределены для работы уже в скором времени в осиротевших республиках СССР. Особого внимания здесь заслуживает Украинская ССР, самая большая из них, где у нас особенно успешно ведется работа. Белорусскую ССР, да и другие республики тоже оставлять без внимания не стоит. А сейчас, коллеги, от имени президента Соединенных штатов я хочу вручить награды и зачитать список агентов, получивших повышение по званию.

Закончив совещание с начальниками отделов внешней разведки, он предложил остаться генералу Стиву Дэвису, начальнику [агентства национальной безопасности](#), и всему его отделу.

Москва. Лубянка. Первое главное управление КГБ.

Назначенное совещание с отделом разведки по республикам Белоруссии и Украины начальник первого главного управления КГБ начал со слов:

– А теперь я хочу поговорить с вашим отделом и конкретизировать задачу по Украине, сопредельной нам территории и бывшей Союзной республике. В 1989 году украинские политики создали «Народное движение Украины за перестройку», более известное как «Рух», представляющий собой коалицию разных партий: от умеренных национал-коммунистов до радикальных националистов. Благодаря их усилиям летом 1990 года Рада приняла Декларацию о государственном суверенитете Украины. На волне слухов о подписании нового союзного договора, который зафиксировал бы Украину в составе Союза, студенты киевских и львовских университетов потребовали перевыборов Рады и объявили голодовку, начав «революцию на границе». Это вызвало определенный резонанс в обществе. Требования студентов, объявивших голодовку, заключались в отставке правительства, перевыборов [Верховной Рады](#) и невмешательства Москвы в украинские дела. По окончании двух недель голодовки протестующие добились отставки главы правительства Украинской ССР. Эти факты говорят о том, что на Украине идет процесс национализации общества, который начался не вчера. Начало этому было положено 17 сентября 1955 года, когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Тогда были выпущены на свободу фашистские прихвостни, головорезы и убийцы, у которых руки были по локти в крови. Ещё до 1954 года последних из них органы НКВД гоняли по лесам западной Украины, а в 1956 году они оказываются на свободе. А ведь амнистия не касалась лиц, осужденных за шпионаж, террор или преступления с отягчающими обстоятельствами. Из мест лишения свободы было выпущено почти 60 тысяч человек и только около 8 тысяч заключенных продолжали отбывать наказание. И теперь «зацвели цветочки», а «ягодки» будут впереди потому, что процесс никто из руководства Союза не контролировал изначально. Воспользовавшись общей смутой в стране, сразу же после того, как 21 августа ГКЧП ушёл в прошлое, через три дня парламент под руководством Председателя Верховной Рады [Леонида Кравчука](#) провозглашает полную независимость Украины. Таким образом, можно констатировать, что поезд ушёл, кто теперь посмеет вмешаться в дела независимой

Украины? Такого «финта ушами» никто не ожидал. Ушла целая республика с пятьюдесятью миллионами человек, треть из которых составляют этнические русские. При этом большинство русских живут в восточных регионах, таких как: Донецкая, Луганская, Запорожская, Херсонская области и в Крыму. Неизвестно как сложится их судьба, но известно, что Крым – исконно русская земля, в 1954 году подаренная Украине Хрущевым. А теперь что делать, спросите вы? И я отвечу – работать надо, коллеги. Всё-таки есть дальновидные люди в нашем правительстве из числа нашей структуры. Открыто никто задачи не ставил, но мы должны поспособствовать вернуть Крым в будущем и при необходимости защитить наших русских людей в перечисленных областях. Прошу активизироваться в этом направлении и представить планы к рассмотрению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.